

УДК 930.85

СТРУКТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ В ОБЩЕСТВЕ КАК СЛЕДСТВИЕ АДАПТАЦИИ К АНТРОПОГЕННЫМ ЛАНДШАФТАМ: ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ

М. А. Агларов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье характеризуются основные феномены культуры, сложившиеся как результат «вторичной адаптации» к уже антропогенному с исторических времен ландшафту в Горном Дагестане [1].

The article is focused on the characteristic of the basic phenomena of culture formatted as a result of the "second adaptation" to, historically already exercised, anthropogenic landscape of Mountainous Daghestan.

Ключевые слова: гражданская община; метаморфозы; террасные технологии; антропогенный ландшафт.

Keywords: civic community; metamorphosis; terracing technology; anthropogenesis.

Одним из величайших достижений древних сельскохозяйственных цивилизаций по сохранению почв от эрозии, «выращиванию» почв древними аграриями гор по «золотому поясу» явилось изобретение и культивирование террасного земледелия. Террасные технологии возникли на Восточном Средиземноморье и на Кавказе (Южном и Восточном) еще в раннебронзовую эпоху, откуда и пошло их распространение по всему миру [2]. На Восточном Кавказе, как и в ряде горных стран мира, в качестве ответа на вызов обезлесения и засухи земледелие сформировалось преимущественно как террасное. Интенсификация земледелия (преимущественно орошаемого) и развитие животноводства привели к крупным изменениям в экономике, демографии, в социальной структуре и в общественно-политическом обустройстве горских обществ. Феномен террасной культуры не только как экологический фон, но и как артефакт имел (и имеет) обратное «формообразующее» воздействие на носителей этой культуры. Если прибегнуть к образу, горец перестраивал гору, но и гора перестраивала сознание и общество самих горцев.

Воздействие преобразованного ландшафта на общество читается в нескольких направлениях. В материальной культуре – к крайне рациональной организации пространства жизнеобеспечения, включая поселения и архитектуру жилых комплексов. В части общественного сознания – к более индивидуализированному мировосприятию, чем это было свойственно корпоративным сообществам. В части структур и динамики местных сообществ – это переход от корпоративных, этнически слитных связей к кооперативным формам самоорганизации, то есть фактически к разрыву первичных этнических полей и становлению гражданских общин как основной формы самоуправления.

Горная часть Дагестана, являющаяся типичным регионом, где произошли эти перемены, по плотности населения превосходит любую другую часть горного Кавказа: 40–50 человек на 1 км², и если вычесть бедленды, то это число возрастет в несколько раз. Такой уровень демографического давления на землю неизбежно обеспечивался и провоцировался интенсивностью ведения земледелия и скотоводства, специализацией отраслей хозяйства, ремеслами и торговлей, то есть практически всеми мыслимыми формами экономики доиндустриальной эпохи.

Организация территории. Условием оптимизации получения продукции жизнеобеспечения от территории как от сельхозокруги была необходимость ее предельно рациональной организации, которая соответствовала бы степени зрелости и самого общества. Во-первых, необходимо было, чтобы эта территория принадлежала сообществу (общине) на правах собственности. Во-вторых,

сообщество должно было соответствовать основному принципу самоорганизации – равенству прав его членов по владению, пользованию, распоряжению территорией при праве на совладение, когда каждый член сообщества имел право на возделанную часть этой территории (на пашни, сады, сенокосы). В-третьих, важными являлись кооперация и общественный контроль (на базе местного права и решений общин) над всеми формами собственности.

Пространственное взаиморасположение объектов жизнеобеспечения было многочастным. Поселение – ядро территории. Сразу же за поселением во всех направлениях, если благоприятствует ландшафт, следовали пашни и сады (*мегъ*), то есть возделанная часть территории. Вслед за пашнями располагались общественные и частные покосы, за ними – присельские пастбища, потом следуют субальпийские и альпийские пастбища и покосы. Такое многочастное деление территории отразилось в названиях каждой из частей на всех языках Дагестана. Например, аварские названия: первая часть – *росо* (поселение), вторая часть – *мегъ* (пашни и часть сенокосов), третья часть – *гIалах* (следующие за возделанной частью земли зимние пригревы и присельские пастбища). Трехчастная модель территории была повсеместной, а отклонения имели место, когда в чью-либо территорию входила зона с альпийскими пастбищами, лесами и зимними пастбищами. Тогда территория разделялась на большее количество частей.

Поселенческая культура является ярким отражением структуры самого общества и семьи. Город или село, большие или малые поселения, «рассыпной» или «кучевой» тип, – все это яркие примеры типизации самого общества, уровня его адаптации к экологии и формам занятости местных сообществ. В Дагестане поселения – это, как правило, крупные образования по схеме небольших средневековых городов с соответствующей планировкой [3]. Крупные поселения на Восточном Кавказе не являются следствием естественного разрастания мелких, они – результат объединения ранее дисперсно локализованных мелких, «тухумных» поселений [4]. Видимо, в раннем средневековье произошел демографический процесс урбанизации, сыгравший помимо прочих последствий (обороноспособность, экономия земли) свою роль в процессах демократизации горно-дагестанских обществ [5].

Урбанизация (синойкизм) в этой части Кавказа являлась процессом поистине исключительным. К примеру, в Дагестане после тяжелой войны 1866 г. на каждый аул в среднем приходилось 473 жителя [6], тогда как в других частях Кавказа картина по плотности и численности по поселениям была совершенно иной. В Ичкерии, например, в 1865 г. на 2 700 душ приходилось 37 поселений (73 человека на аул). У мтиулов на одно селение приходилось 9–12 домов, у сванов – от 2 до 70 домов [7]. Обозреватели, путешественники отличали Дагестан по тому же признаку: «дагестанцы живут большими селениями, тесно построенными, и большей частью для жительства выбирают гребни гор, располагая дома свои вдоль гребня амфитеатром» [8], «большими аулами», и, как пишет М.О. Османов, «даже после разорительных войн XVIII–XIX вв. у даргинцев насчитывалось свыше 30 селений с населением, превышающим тысячу человек, причем некоторые имели от трех до пяти тысяч человек (Усиша, Губден)» [9].

Мелкие поселения первоначально, до «физического» слияния в крупные аулы, были объединены в общественно-политические союзы. Таковыми они остаются у Главного Кавказского хребта, приняв форму дисперсно локализованных, мелких поселений. Например, общества Анцосо (аварск. – «десять селений»), Антлратль («семиземелье») и другие локально дислоцированные, но с общими механизмами самоуправления общества.

Изучение сложных схем территориального строя у горцев в старом Дагестане, форм организации этих территорий позволило выйти на новые позиции понимания причин объединения и последующего этапа их дисперсий на хуторской основе (своего рода «пульсации» поселений).

Объединение исходных, «тухумных» поселений в одно крупное территориально означало объединение в единое пространство, создание новых условий для организации и жесткого режима хозяйственной эксплуатации. Тем самым обеспечивалась не только экономия земли, но и было достигнуто объединение территорий как единого пространства, что делало возможным осуществление общинного контроля.

Плотность застроек превращала аул зачастую в единое строение, где улицы и улочки перекрывались сверху, что служило или строительной площадкой для возведения верхних этажей, или двором для другого дома. Часто хозяйственные постройки выносились за пределы аула, составляя его отдельные кварталы. Плотность застройки аула, максимально освобождая окрестное пространство для посевов, одновременно обеспечивала обороноспособность. Повсеместно джамаат запрещал выход за черту селения хотя бы на «один вершок». Таким образом, борьба за жизненное пространство за счет уплотнения поселения достигалась радикальными решениями. Одновременно достигалось непрерывное расширение того же пространства по вертикали в пределах селения – «ступенчатая» многоэтажность, перекрытие улиц, террасообразность, когда ряды домов, целые кварталы, а то и все селение построены на смежных стенах (то, что Г.Я. Мовчан назвал фаланстером) [10]. Дагестанские террасообразные поселения, число домов в которых доходит иногда и до тысячи (с. Телетль и др.), искусно вписанные в террасированный ландшафт, производили на наблюдателей неизгладимое впечатление.

Г.Я. Мовчан писал: «Теснота застройки дагестанских аулов общеизвестна, и нигде как будто теснота не достигает такой концентрации, когда уличные проходы идут тоннелями иногда в двух уровнях под домами, а нагромождение домов превращается в сплошную нераздельную слитность» [11]. Такая плотная застройка имела причины, на которые указали исследователи поселенческой культуры. Фаланстер, террасообразность, уличные проходы в виде туннелей – все это было формой освоения пространства на заданной площади путем его многократного увеличения, не переходя границы строительной площади.

Г.Я. Мовчан писал также: «То, что мне посчастливилось увидеть в Дагестане, поистине способно потрясти воображение любого человека, способного воспринять величие. Древние домостроения, огромные аулы, представляющие собой едва ли не единые строения, – это сложные структуры, плод изощренного пространственного мышления» [12].

За аулом простирается «мегъ» – возделанная округа, то есть единый комплекс пашен, садов, сенокосов, ирригационных сетей и летних времянок, составляющий вторую часть территории, следующей за поселением.

Не только террасирование, но и принимавшая разные формы борьба за землю в «тектонике», в самой террасной структуре «мегъа» создает впечатление о строительстве как о заранее запланированном. На самом же деле архитектура аулов, как и «мегъа», складывалась исторически под влиянием постоянных перестроек, застроек в заданные рамки пространства.

В борьбе за пространство случалось, что садовые насаждения по краям террас давали тень на поле соседа, а это было противоправно и каралось штрафами, и в первую очередь должны были рубить ветки. В аналогичной ситуации византийский земельный закон требовал: «Если на сад падает тень от соседнего дерева, то пусть обрубят его ветви хозяин его» [13].

Вот одно из характерных для местного права решений: «Если кто возведет вокруг своей земли стену, а другой предъявит иск и заявит, что эта стена ему мешает или вредит, то старейшины пошлют двух справедливых людей на место, чтобы проверить, действительно ли эта стена вредит истцу. Если они установят, что стена действительно вредит истцу, то, пока стена не будет снята, за каждый день с ответчика взыскивается штраф по одной овце» [14]. Эта конкретная мера по охране прав владельцев земли наглядно показывает, как все строение «мегъа» плотно сбивалось в единый ансамбль, как уплотнялись частные секции (поля-террасы) в единую ассоциацию. Стихийное наращивание «мегъа» было столь же органичным и вместе с тем искусственным.

Террасирование полей – феномен мирового масштаба. Так, Дж. Спенсер пишет, что «из всех известных следов деятельности человека на земной поверхности террасирование полей является наиболее глубоким и обширным следом, даже по сравнению с тем, что составляет инфраструктуру городов и дорог» [15]. Эта великая система как лента опоясывает Земной шар, образуя концентрированные очаги гигантских террасных лестниц в Ливане, Йемене, Филиппинах, в Китае (Сычуань и другие горные провинции), Перу, Боливии и т.д. К этому ряду очагов относится и Нагорный Дагестан. Агркультурное террасирование в Дагестане как

по общим масштабам, так и по глубине разработок полей достигло расцвета. Эта система земледелия, как уже говорилось, сыграла особенную роль в формировании аграрных и, как следствие, социальных отношений населения гор. В Дагестане земледельческая террасная цивилизация была сращена со скотоводческим древним индоевропейским и тюркским мирами, которые здесь отражены, можно сказать, на «клеточном уровне живых организмов», если таковыми считать территории с их четкой демаркацией и сложной внутренней организацией.

После «неолитической революции» на Восточном и Южном Кавказе в экстремальных условиях обезлесения и эрозии почв «борьба за жизнь» означала «борьбу за землю». Предгорья и Прикаспийская равнина на зиму осваивались кочевниками, а летом превращались в засушливую пустыню (не в пример северокавказским предгорьям) и покидались ими. Жители выгоревших от зноя гор вели борьбу за восстановление плодородия почв на пашнях и лугах. В плоскодонных долинах создавались садовые оазисы на почвах, занесенных орошением ручьями и селевыми водами [16]. Территория, перестроенная бесперывной деятельностью человека, буквально создавшего вокруг себя среду обитания, стала фактором формирования нового сознания горца.

Двусторонние связи природы и общества [17] обрели новое качество. Если обычно они были более естественными на уровне взаимодействия окружающих объектов и сознания, то в случае, когда антропогенный фактор вырастает в такой естественно-культурный комплекс, как «мегъ», двусторонняя связь обретает иной, качественно новый уровень. Дуальная структура территории (частные и общие земли, рукотворные и естественные объекты, их пространственное расположение), методы эксплуатации, диктуемые дуализмом, отражались в социальном и культурном «бытии», в правосознании, в структурных связях внутри обществ. Она в правосознании обладателей больше существовала как юридическое свойство, укрепляла гражданское сознание каждого из ее совладельцев. Одновременно такие естественно-культурные комплексы, как террасированный «мегъ», будучи результатом деятельности общины, в то же время диктовали, закрепляли и консервировали структуру общины, превратив последнюю в по-своему законченную, отработанную, но мало податливую новым переменам систему. Это, пожалуй, самое важное для истории горских обществ следствие подобного типа воздействия «творения» на «творца». Показательным следствием динамики этих связей является то, что основной и в подавляющем большинстве единственной формой семейного строя была малая семья. Она же являлась субъектом частной земельной собственности – уникальное состояние для кавказских народов [18].

Хозяйственная деятельность общины в течение многих тысячелетий видоизменяла ландшафт Горного Дагестана. Террасирование полей приняло повсеместный характер и огромные масштабы. Территория стала собственностью общин и союзов общин.

Известно, что в восточных цивилизациях орошение и его организация объединяли огромные пространства в единый организм, функционирование которого всецело зависело от взаимосвязанной оросительной сети [19]. Разрушение какого-нибудь звена могло привести к кризису всей системы гидравлики, включая и саму цивилизацию. Напротив, горное и горно-долинное орошение и террасирование полей были пространственно разграниченными, а оросительные системы – автономными и адаптированными к техногенному ландшафту. Общественные структуры были также «запрограммированы» на автономность. Это важный момент, отличающий Средиземноморье и Кавказ от восточных цивилизаций.

Античная форма собственности на землю (дуализм общественная – частная) как исходное состояние, корнями своими восходящее к эпохе бронзы, и сложившиеся на этой базе автономные общественно-политические мини-образования оттеснили этничность на «край ареала», что привело к разрыву древних этнических полей. В албанский период и вплоть до нового времени в Дагестане не были известны крупные этносы (как современные лезгины, даргинцы или аварцы). Но все они делились на множество мини-политических образований с полным набором составляющих и свойств, присущих автономным или гражданским общинам. Даргинцы делились на конфедерации: Акуша-дарго, федерации Каба-дарго, Уцмий-дарго и город-государство Кубачи. Ранним этническим названием даргинцев, похоже, было

сирхи или *сюреги* по одноименному обществу. Таковыми они были известны соседним народам еще в начале XV в. [20].

Аварцы – самый крупный этнос в Дагестане. Свой этноним *аварцы* получили из литературной традиции и государственного учета (переписи, паспортный учет и т.д.) [21]. Не только сами себя, но и соседи не называли горцев аварцами: грузины их называли *леками*, лакцы – *ярусал*, андийцы – *хьиндалал*, ахвахцы – *гъайбулу*, кумыки – *тавлу* и т.д., но аварцами – никто. Авароязычное население Дагестана до второй половины XIX в. именовалось по географическому признаку как *магТарулал* (горцы) и *хьиндалал* («приречные» – садоводы). Основные же номинанты аварцев были по признаку общественно-политических образований, таких как *Хунз*, *Технуцал* (с ограниченным суверенитетом), *Андалал*, *Гидатль*, *Салатавия*, *Гумбет*, *Койсубулу*, *Каралал*, *Тленсерух*, *Анцросо* (Десятиземелье), *Антлратл* (Семиземелье), *Ункратль* (Четырехземелье) и др.

В историко-этнографической литературе они именуются как «общества», «вольные общества», «федеративные республики». Все они были субъектами права на свои территории, суверенами на самоуправление. Потеря аварцами раннего этнонима *Legi* [22] *halbi* [23] произошло вследствие распада единого этнополитического поля на общины и их союзы – это уже чисто политические образования типа гражданских общин и их союзов. По своему типу джамаат Горного Дагестана XV – первой половины XIX в. соответствовал по греко-римской модели гражданской общине. Ее общим названием, вошедшим в разные языки народов Дагестана, было заимствованное из арабского языка понятие *джамаат* (общество). Джамаат обладал всеми признаками названной модели: территорией, местным правом, сосуществованием частного и общественного землевладения, военной организацией общества; избираемой публичной властью, делившейся на правителей, старейшин и суд. Эти черты предполагали сходные права и обязанности членов общины. Этнический фактор как субъект «исторической активности» перестал существовать предположительно еще в начале нашей эры, после возвышения и укрепления гражданских общин и их союзов как доминантных форм политических устройств в Дагестане. Речь идет о разрушении первичных этнических полей гражданскими новообразованиями типа джамаатов, их союзов и конфедераций. В новых условиях неизбежно перемещение сознания идентичности, соответствующей административному федерализму и правовому строю, и его новая архитектура.

Гражданская община выходит из корпоративных к новым договорным отношениям, стремится к автономии и независимости (общинный сепаратизм), компенсирует потерю родовых и этнических связей новыми договорными, то есть кооперативными (правовыми) связями. На этой основе складывается публичное, частное и внешнее право.

Конец существования общественно-политического устройства горцев приходится на время включения региона сначала в Имамат имамата Шамиля в первой половине XIX в., затем – в Дагестанскую область, на южных окраинах Российской империи, и наконец – в одну из автономий СССР. В новых условиях гражданская община – джамаат – трансформировалась в крестьянскую, а затем – в колхозно-крестьянскую общину. В современных условиях активно протекают процессы модернизации (муниципальные образования) с элементами возрождения отдельных традиций организации хозяйства и самоуправления.

Статья выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и в культуре» (проект № 2.17).

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. Нагорный Дагестан – примерный регион адаптационных трансформаций древних культур Восточного Кавказа.

2. *Spenser J.E., Hale G.A. The origin, nature, and distribution of agricultural terracing // Pacific Viewpoint, 6. 1965. N 1. P. 25.*

3. Пионером исследований этого процесса по Южному Дагестану был А.Р. Шихсаидов, который называл ранние поселения «родовыми», или тухумными, опираясь на топонимику, и датировал этот процесс XII–XV вв. *Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 56–59; Османов М.-З.О. Поселения // Материальная культура*

даргинцев. Махачкала, 1967. С. 659-177; *Ислам-магомедов А.И.* Поселения // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 50.

4. *Шихсаидов А.Р.* Материалы по истории лезгин. Махачкала, 1958 г. // Рукоп. фонд ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Л. 5, 116.

5. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале. XIX вв. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988. С. 208.

6. *Пржецлавский П.* Дагестан, его обычаи и нравы // Вестник Европы. 1867. Т. III. С. 20.

7. *Гене Ф.И.* Сведения о горном Дагестане // История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв. М., 1958. С. 346.

8. *Мовчан Г.Я.* Старый аварский дом и его судьба. М., 2001. С. 404.

9. *Байерн Ф.* О древних сооружениях на Кавказе // Сборник сведений о Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1870. С. 300.

10. *Османов М-З.О.* Поселения // Материальная культура даргинцев. С. 131; *Исламмагомедов А.И.* Поселения // Материальная культура аварцев. С. 158.

11. *Мовчан Г.Я.* Социологическая характеристика старого аварского жилища // Кавказский этнографический сборник № 5. М., 1972. С. 149.

12. *Мовчан Г.Я.* Социологическая характеристика старого аварского жилища. С. 130; *Аедоницкий В.А.* Из поездки в Дагестан летом 1914 года // Естествознание и география. 1916. № 8-10. С. 5.

13. Византийский земледельческий закон. § 31, Л., 1984. С. 109.

14. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: архивные материалы / сост. *Х.М. Хашаев.* М., 1965. С. 45.

15. *Spenser J.E., Hale G.A.* The origin, nature, and distribution of agricultural terracing // Pacific Viewpoint, 6. 1965. № 1.

16. *Агларов М.А.* Орошение в зоне Хиндалала // Этнографический сборник Дагестана. 2006. № 2. С. 15-38.

17. *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Передача информации как механизм существования и этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. М., 1972. Вып. 2.

18. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане. С. 105.

19. *Wittfogel K.* Oriental despotism. New Haven, Yale University press, 1957.

20. *Tardy L.* The Caucasian peoples and theirs neighbors in 1404 // Acta Orient. Hung. Т. XXXII. Fase. 1. Budapest, 1978. С. 110.

21. *Агларов М.А.* К изучению аварских этнонимов // Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 129.

22. *Trubetzkoy N.* Zur Vorgeschichte der ostkaukasischen Sprachen // Mélan-ges de linguistique et de philologie offerts. à Jacq. Van Ginntken à l'occasion du 60-e anniversaire de sa naissance (21 avriI 1937). Paris, 1937. P. 171-178.

23. *Bechert I.* Awarischen hobol und halmag // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 19. München, 1966. S. 132.

Поступила в редакцию 12.07.2012 г.

Принята к печати 28.09.2012 г.